

СИНКМЕР
ЛЮИС

Льюис Синклер
Письмо королевы

HarryFan

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=138017

Авт. сб. «Кингсблад, потомок королей. Рассказы». : Правда; Москва;

1989

Содержание

ПИСЬМО КОРОЛЕВЫ

4

Синклер Льюис

ПИСЬМО КОРОЛЕВЫ

Доктор Селиг был авантюрист. Конечно, подобная мысль никогда бы не пришла вам в голову. Это был любезный, несколько лысоватый молодой холостяк, преподаватель истории и экономики в Эразмус-колледже, где ему вменялось в обязанность, сидя на дурацком возвышении, ласково уговаривать пятьдесят юнцов и девиц, которые ничем не интересовались, кроме поцелуев и закрытых автомобилей, увлечься до самозабвения законом убывающих прибылей.

Но вечерами в своем чинном пансионе он курил трубку, что считалось непристойным под священной сенью колледжа, и отважно писал книгу, которой предстояло прославить его имя.

Каждый человек пишет книгу, это всем известно. Но у Селига книга была особенная. Глубокая. Судить о ее превосходных качествах можно было хотя бы по тому, что, написанная всего на три четверти, она уже имела тысячу пятьсот таких выразительных сносок, как, например, «см. ВАОИИ, VIII, стр. 234 и далее». Настоящая книга, не какая-нибудь дешевка, написанная ради денег.

Называлась она «Влияние американской дипломатии на внутреннюю политику Пан-Европы».

По мнению Селига, «Пан-Европа» звучало более красиво и учено, чем просто «Европа».

Если бы доктор Селиг не руководствовался убеждением, что чем труднее произведение читается, тем оно лучше, – книга на самом деле могла бы быть интересной. Он открыл мир, полный романтики и малоизвестный. Подобно путешественнику, набредшему в пустыне на неведомый оазис, где журчат фонтаны, смеются девушки и шумит людный базар, он нашел среди старинных документов свидетельства о том, что Франклин в своей скромной меховой шапке был некогда донжуаном парижского общества, что Адаме боролся против намерения английского правительства признать конфедерацию Южных штатов, что Бенджамин Томпсон, янки из Массачусетса, был в 1791 году главным советником при дворе в Баварии и носил титул графа Румфорда.

Селига волновали эти люди, благодаря которым мир в те дни восхищался Америкой больше, чем в наше время. Взволновала его и история сенатора Райдера и даже вызвала легкий приступ не приличествующего ученому гнева.

Ему, разумеется, было известно, что в первое президентство Гровера Кливленда Лафайет Райдер предотвратил войну между Америкой и Англией; что Райдер был в свое время государственным секретарем и послом в Париже, где его ум, манеры и остроумие снискали ему всеобщее внимание; что, будучи членом сената, он породил и выпестовал закон Райдера – Ханклина, спасший американские рынки пшени-

цы, и что его книги «Перспективы разоружения» и «Англо-американская империя» были не просто отличной пропагандой идеей пацифизма, но вдохновенными трудами, которые могли бы послужить предотвращению бурской войны, испано-американской войны и мировой войны, если бы в его викторианском мире нашелся хотя бы десяток его единомышленников. Все это было известно Селигу, одного он не мог вспомнить: когда Райдер умер.

Позже, вне себя от изумления, он узнал, что сенатор Райдер вовсе не умер, что ему девяносто два года и он доживает свой век, забытый родиной, для возвеличения которой он так много сделал.

Да, с горечью думал Селиг, мы чтим наших великих людей – иногда целых два месяца после того, как они совершили подвиг, который вызвал наш восторг. Но ведь у нас демократия, поэтому пусть герой не воображает, что если 1 марта мы устроили ему (против его желания) триумфальное шествие по Бродвею или (несмотря на яростное сопротивление) окунули его в шумиху рекламы, то он может надеяться, что о нем еще будут помнить 2 мая.

Адмирала Дьюи, которого газеты целую неделю величали соединением Нельсона, Наполеона и рыцаря Байярда, впоследствии свели в могилу всевозможными нападкамии. Если драматург имеет успех в течение одного сезона, то да помогут ему боги! Ибо после этого и до конца его дней люди будут ходить на его пьесы в единственной надежде, что он оскан-

далится.

Но не всегда веселая толпа поклонников стаскивает своего кумира с пьедестала, дабы обнаружить его глиняные ноги, – бывает, что огромный двадцатимиллионный народ просто-напросто предаёт его забвению, презрительно и равнодушно.

Так возмущался доктор Селиг, собираясь в конце своей книги воскресить Райдера из мертвых. Он питал скромную надежду, что книга выйдет в свет ещё при жизни сенатора и тем самым осчастливит старика.

Когда Селиг читал речи Райдера, рассматривал его портреты в подшивках старых журналов, ему казалось, что он близко знает сенатора. Он ясно видел перед собой высокого человека с непринужденной осанкой, его лицо, в котором противоречиво сочетались тонкий длинный нос, веселые глаза и огромный выпуклый лоб, отчего казалось, что в нем было одновременно что-то от пуританина, от клоуна и от благожелательного ученого.

Селиг мечтал написать Райдеру и спросить его – ах! – о тысяче разных вещей, объяснить которые мог только он, – например, в чем заключались предложения Лайонеля Саквилль-Уэста касательно Колумбии; что писала королева Виктория в своем знаменитом неопубликованном письме президенту Гаррисону относительно права рыбной ловли в ньюфаундлендских водах. А что, если написать?

Нет, старику девяносто два года, и Селиг питал к нему

такое благоговение, что не решился бы его обеспокоить. К тому же он вполне здраво опасался, что человек, который некогда послал к черту Гладстона, просто выкинет его письмо в корзину. Сенатор был так основательно забыт, что Селиг сначала никак не мог узнать, где он живет. Справочник «Кто есть кто» адреса не указывал. Начальник Селига, профессор Манк, о котором говорили, будто он знает все на свете, кроме того, где находится его прошлогодняя соломенная шляпа, проблеял в ответ на его вопрос: «Дорогой мой! Местожителство Райдера на каком-нибудь кладбище! Он отошел к праотцам, насколько я помню, в 1901 году».

Кроткий доктор Селиг едва не совершил смертоубийственной расправы над почтенным американским историком.

Наконец в бюллетене, издаваемом Лигой Противников Сухого Закона, Селиг нашел в списке директоров: «Лафайет Райдер (бывш. сенат. США, госуд. секр.), Уэст-Уикли, штат Вермонт». Хотя ему было безразлично, где живет сенатор, Селиг так разволновался в тот вечер, что выкурил лишнюю трубку.

Он хотел уехать куда-нибудь на время каникул, мечтая кончить за лето свою книгу. Сенатор жил в штате Вермонт, и Селига потянуло туда. В одном педагогическом журнале он нашел объявление: «Скай-Пикс, близ Уикли, штат Вермонт – тихий лесной уголок; библиотека; интеллигентное общество; теннис, ручной мяч, прогулки верхом; по вечерам тра-

диционное пение у костра; мебл. бунг., цены умеренные».

Вот как раз то, что ему нужно: тихий уголок, библиотека, умеренные цены и к тому же соседство с его кумиром. Он снял мебл. бунг. на лето и понес свой чемодан на вокзал в тот чудесный день, когда юные мучители, терзавшие его целый год каверзными вопросами, разъехались во все стороны, дав ему возможность на целых три месяца почувствовать себя человеком. Скай-Пикс оказался бывшей фермой, после перedelки самым обидным образом смахивавшей на кафе. Его бунгало – некогда простой амбар для хранения зерна – было выкрашено в нежно-голубой и желтый цвета и носило название «Шелли». Но ферма лежала среди гор, и воздух, благоухавший сеном и хвоей, нес исцеление его легким, забитым пылью аудиторий.

В первый же день он спросил за обедом владельца Скай-Пикс, некоего мистера Идла:

– Кажется, сенатор Райдер живет где-то поблизости?

– Ну как же, на горе, мили четыре отсюда.

– Хотелось бы как-нибудь его увидеть.

– Я отвезу вас к нему, когда захотите.

– Что вы, как можно! Я не смею его беспокоить!

– Ерунда! Он старый, это верно, но живо интересуется всем, что происходит по соседству. Я ведь купил эту ферму у него и... Не забудьте, вечером будем петь у костра.

В восемь вечера Идл вытащил Селига из его укромного амбара как раз в тот момент, когда взаимоотношения между

Локарнским пактом и Версальским договором начали великолепно увязываться.

Пели песни вроде «Долгий, долгий путь» и «У всех божьих деток есть башмаки». (У божьих деток имелись, кроме того, пиджаки, брюки, жилеты, автомобили, арбузы и т. д. до бесконечности.) Рядом с Селигом у костра сидела молодая женщина, у которой имелись нос, глаза, свитер и спортивного вида юбка, – все это не особенно хорошее, но и не особенно плохое. Он не обратил бы на нее внимания, если бы она сама не остановила на нем свой выбор.

– Я слышала, вы преподаете в Эразмус-колледже, доктор Селиг?

– Угу.

– Вот где по-настоящему обращают внимание на воспитание характера. В конце концов какой смысл развивать умственные способности, если развитие характера отстает от развития интеллекта? Видите ли, я тоже преподаю – о, не в колледже, как вы. Я всего-навсего веду историю в средней школе в Скенектади. Давайте познакомимся – Сельма Суонсон. Нам нужно когда-нибудь обстоятельно поговорить о преподавании истории, хорошо?

– Угу, – ответил Селиг и удрал. Но только укрывшись в своем амбаре, посмел сказать вслух: – Совсем не хорошо.

Три месяца он отказывается думать о лекциях и о прелестях воспитания характера. Ему предстоит будущее ученого. Даже сенатор Райдер, быть может, пришел бы в волнение,

если бы узнал, какой великий ум тихо отходит ко сну в хлебном амбаре в четырех милях от него!

На следующий день, когда он усердно корпел над своей книгой, Идл ворвался к нему со словами:

– Я еду в Уикли. Буду рядом с фермой старого Райдера. Поехали, я вас познакомлю с ним.

– Ой, нет, честное слово, неудобно!

– Бросьте, он, небось, скучает один. Поехали!

Прежде чем Селиг успел передумать и, выбравшись из автомобиля стремительного Идла, вернуться домой, они уже мчались по горной дороге и вскоре въехали через мраморные ворота в имение сенатора. Миновав сырую заросль берез и кленов, они оказались на лугу, где высился старинный каменный дом с огромной верандой, обращенной в сторону пестрой, как шахматная доска, долины. Они лихо подкатили к веранде, и Селиг увидел лежавшего в шезлонге старика, укрытого пледом. Казалось, что в полумраке веранды весь свет сосредоточился на его лысой голове, похожей на обтянутый глянцеви́тым пергаментом шар, и на больших бескровных руках, лежавших неподвижно, как у покойника, на покрытых пледом коленях. В потухших глазах не чувствовалось никакого интереса к жизни.

Выскочив из машины, Идл рявкнул:

– Добрый день, сенатор! Прекрасная погода, верно? Я привез вам гостя. Мистер Селит преподает в колледже... э-э... в одном из наших колледжей. Через час я вернусь.

Он схватил Селига за руку – силища у него оказалась непомерная – и вытащил из машины. В голове у несчастного Селига все смешалось. Прежде чем он сумел выудить из этой гущи хоть одну путную мысль, машина Идла, зафыркав, исчезла, а Селиг остался стоять перед верандой, загипнотизированный взглядом сенатора Райдера, слишком старым, чтобы выражать гнев или ненависть, но не утеревшим способность излучать презрение.

Райдер молчал.

Тоном школьника, на которого возводят напраслину, Селит воскликнул:

– Честное слово, сенатор, я ни в коем случае не хотел вторгаться к вам без приглашения. Я думал, Идл просто представит меня вам и снова увезет. Мне кажется, у него были самые добрые намерения. А впрочем, подсознательно я, быть может, действительно хотел завязать знакомство. Мне так хорошо известны ваши «Перспективы разоружения» и «Англоамериканская империя»...

Сенатор зашевелился, словно древний филин, просыпающийся в вечерние сумерки. Глаза его ожили. Казалось, вот-вот он закричит резко и хрипло, как старая брюзгливая птица, но когда он заговорил, Селиг услышал спокойный, исполненный благородства голос:

– Я не предполагал, что кто-нибудь заглядывает в мои книги после тысяча девятьсот десятого года.

Старчески слабым, но изысканно любезными был жест,

которым он пригласил Селига есть.

– Вы учитель?

– Я преподаю в одном небольшом колледже в Огайо. Читаю экономику и историю. Я пишу монографию по истории американской дипломатии, и, естественно... встречаются такие вещи, которые никто, кроме вас, объяснить не может!

– Оттого что я так стар?

– Нет! Оттого что вас всегда отличали широкая осведомленность и огромное мужество – может быть, это одно и то же. Работая над книгой, я буквально каждый день мечтал о возможности посоветоваться с вами. Например, скажите, сэр, ведь это верно, что государственный секретарь Олни хотел начать войну с Англией из-за Венесуэлы? Он мечтал прослыть героем, да?

– Нет!

Старик сбросил с себя плед. Казалось странным, что на нем был не халат, отделанный по старинной моде золотым шнуром, а отлично выутюженный полотняный костюм и элегантный галстук-бабочка. Сенатор выпрямился в своем кресле. Он оживился, голос его зазвучал тверже:

– Нет, это был человек, преданный своей родине. Твердый. Честный. Готовый идти на соглашение, если это было нужно, но умевший не дрогнуть перед опасностью... Мисс Талли!

На крик сенатора из широкой двери с большим полукруглым окном наверху появилась сестра. Ее строгая белая фор-

ма была так туго накрахмалена, что чуть ли не скрипела, но это была молодая женщина, свежая, как пион, из тех, которые непременно будут нянчить любого мужчину любого возраста, неважно, нравится ему это или нет. Она свирепо посмотрела на непрошеного гостя, погрозила сенатору пальцем и сказала со сладкой улыбочкой:

– Смотрите не переутомляйте себя, а то я рассержусь и в наказание уложу вас в постель. Доктор сказал...

– К черту доктора! Попросите миссис Тинкхем принести их архива письма Ричарда Олни – Вашингтон, тысяча восемьсот девяносто пятый год. Ол-ни. И, пожалуйста, поскорее.

Когда мисс Талли ушла, сенатор проворчал:

– Нужна мне эта сестра, как кошке второй хвост. Это все болван доктор выдумал, старый осел! Ему семьдесят пять лет, у него с тысяча восемьсот восемьдесят восьмого года ни единой мысли в голове не водится. Уж эти мне доктора!

Он произнес целую речь об искусстве врачевания, уснащенную такими энергичными ругательствами, что Селиг замер в ужасе и восхищении. Сенатор не смягчил красочности своих выражений и тогда, когда вошла его секретарша миссис Тинкхем, маленькая, тщедушная, вылинявшая вдова девственно-непорочного вида.

Селиг думал, что она со страху покончит с собой, бросившись вниз с высокой веранды. Но этого не случилось. Она подождала немного, деликатно зевнула, подала сенато-

ру конверт из плотной коричневой бумаги и не менее деликатно удалась.

Сенатор ухмыльнулся.

– Вечером сделает из меня мишень для своих молитв. При вас не посмела. Ну вот, теперь легче стало. Крепкая ругань – отличное терапевтическое средство, забытое в наш развращенный век. По части крепких выражений я могу сообщить вам более исчерпывающие сведения, чем по части дипломатии, – кстати, дипломатия широко ими пользуется. А вот то письмо, в котором государственный секретарь Одни говорит о роли своей дипломатической переписки с правительством Великобритании.

Этот листок был страницей истории. Никогда в жизни Селиг не брал в руки ни одного предмета с таким благоговейным трепетом.

– Ой! – воскликнул он. – Да ведь вы использовали его – конечно. Я-то знаю только начало письма. Вы не представляете себе, сэръ, как мне интересно взглянуть на остальную часть. Если я не ошибаюсь, вы использовали первый абзац в вашей «Англо-американской империи», кажется, на странице двести семьдесят шестой, не правда ли?

– Возможно. Эта работа не принадлежит к числу моих настольных книг.

– Вам, несомненно, известно, что в прошлом году это письмо было перепечатано из вашей книги в «Вестнике Американского общества исторических изысканий»?

– Вот как?

Старик был, по-видимому, чрезвычайно польщен. Он ласково посмотрел на Селига, как на молодого, но испытанного друга, и проговорил, усмехнувшись:

– Кажется, я понимаю, что чувствовал царь Тут, когда его вспомнили и откопали... Мисс Талли! Эй, мисс Талли, будьте любезны, велите Мартенсу принести нам виски с содовой и два бокала. Как?! Ну, знаете, сударыня, мы с вами успеем обсудить мои старческие пороки, когда наш гость уедет. Повторяю – два бокала! Так вот, вернемся к государственному секретарю Олни. Дело обстояло так...

Два часа спустя сенатор Райдер все еще говорил, и за эти два часа он сообщил Селигу столько нигде не опубликованных сведений, сколько исследователь не обнаружил бы и за два года работы.

Два часа Селиг провел в обществе президентов и послов, слушал беседы министров иностранных дел за обеденным столом, беседы настолько конфиденциальные, имевшие такое значение для судеб мира, что о них не упоминается даже в частной переписке. Сенатор рассказал Селигу о своей дружбе с королем Эдуардом, о том, как однажды за стаканом минеральной воды король предсказал будущую мировую войну.

Скромный учитель, которому ни разу в жизни не доводилось беседовать с более важным лицом, чем ректор захолустного колледжа, захлебывался от чувства, что стал пове-

ренным тайн королей и фельдмаршалов, Анатоля Франса и лорда Холдейна, Сары Бернар и Джорджа Мередита.

Только сейчас Селиг по-настоящему понял (хотя теоретически всегда это знал), что в частной жизни все великие мира сего – простые, обыкновенные люди, как, скажем, доктор Уилбур Селиг, преподаватель Эразмус-колледжа. С королем Эдуардом, например, он почувствовал себя на короткой ноге, когда узнал от сенатора (хотя тот, возможно, и преувеличивал), что король не умел чисто, без немецкого акцента, произнести собственное имя, и ощутил себя светским кутилой, услышав подробности одной не сверхпристойной вечеринки, на которой после обильных возлияний Бахусу некий английский герцог, некий немецкий князь и некий португальский король распевали в компании сомнительных дам (и с сенатором Райдером в роли дирижера) нежный романс «Наливай, не зевай».

В течение этих двух часов было несколько минут, когда Селиг витал между небом и землей, в мире бесплотных духов Конан Дойля. До этого дня бутылка домашнего пива раз в месяц казалась Селигу пределом злоупотребления алкогольными напитками. Сделав себе слабую смесь виски с содовой, он заметил – несколько встревоженный своим незнанием великосветских обычаев по части спиртного, – что сенатор налил себе виски в три раза больше.

Однако старик, не спеша смаковавший виски, покачивая лысой головой от удовольствия, держался крепко, в то время

как Селиг, пробив какие-то розово-серые облака, прорезаемые вспышками молний, взвился на шесть миллионов миль над землей и парил на этой головокружительной высоте, едва соображая что-либо, в то время как далеко-далеко внизу сенатор ораторствовал о взаимосвязях кубинского сахара и колорадской свеклы.

Один раз в поле зрения Селига возник Идл в своем грязном автомобильчике, предложил увезти его домой, но, к радости Селига, сразу исчез после короткого замечания сенатора:

– Доктор Селиг останется обедать. Его отвезут в моей машине.

Обед... Селиг редко заглядывал в беллетристику, но все же вычитал в каком-то романе о «спокойном пламени свечей в сумерки, отражавшемся, как в тусклом зеркале, в полированной поверхности длинного стола красного дерева. Свечи, розы, старинное серебро...» Читал он также об оленьих рогах на стенах, о геральдических щитах и о мечтах воинов минувших времен.

Нужно сказать, что в столовой сенатора не было ни оленьих рогов, ни геральдического щита, ни меча, а если и были «спокойно горевшие свечи», то их пламя не отражалось в полированном красном дереве, ибо такового не было: стол покрывала сверкающая белоснежная скатерть. Столовая была продолговатая, просто обставленная комната, на стенах которой, обитых белыми панелями, висели старинные порт-

реты. И все же Селит чувствовал, что это и есть та романтика, о которой писалось в книгах.

Обед был деревенский. Селит уже приготовился, что его будут угощать икрой и павлиньими языками. Вместо этого подали бифштекс, дыню и маисовый пудинг. Зато у каждого прибора стояли четыре рюмки, и, кроме воды, напитка, хорошо знакомого ему по Эразмус-колледжу, он отведал – очень несмело – хереса, бургундского и шампанского.

Единственное, что Уилбур Селиг, преподаватель Эразмус-колледжа, знал совершенно твердо, было то, что шампанское – нечто сугубо безнравственное, связанное с легкомысленными женщинами, непристойными разговорами и проигрышами в рулетку, неизменно оканчивающимися самоубийством. Но, как ни странно, именно когда Селиг пригубил свой первый в жизни бокал шампанского, сенатор Райдер заговорил о том, как его радует укрепление англо-католической церкви.

Нет, все это было невероятно.

Если Селит ликовал, когда его оставили обедать, то он пришел в неистовый восторг, когда сенатор сказал: «Может быть, вы приедете отобедать послезавтра? Отлично. Я пришло за вами Мартенса в семь тридцать. Фрак надевать не нужно».

Как во сне, поехал он домой с Мартенсом, дворецким и шофером Райдера. Тысячи вопросов, мучивших его, когда он писал книгу, теперь были ясны.

Когда он приехал в Скай-Пикс, отдыхающие еще сидели у тускло горевшего костра.

– Ах! – пискнула мисс Сельма Суонсон, учительница истории. – Мистер Идл сказал, что вы провели весь вечер у сенатора Райдера. Мистер Идл говорит, что это большой человек, в прошлом крупный политический деятель.

– Сенатор был так любезен, что помог мне разрешить некоторые запутанные вопросы, – пробормотал Селиг.

Укладываясь в постель – в блистательно преображенном амбаре, – он захлебывался:

«Честное слово, я мог бы стать близким другом сенатора. Вот было бы счастье!»

Гость уехал (какой-то не то Селиг, не то Селим), а Лафайет Райдер продолжал сидеть за столом, куря папиросу и огорченно взирая на пустую рюмку. «Славный малый, энтузиаст, – думал он. – Чувствуется, что провинциал. Но воспитан. Интересно, правда ли есть еще люди, которые знают, что Лаф Райдер когда-то жил на свете?»

Он позвонил. В столовую впорхнула кокетливая, накрахмаленная мисс Талли и проворковала:

– Нам пора в постельку, сенатор!

– Нет, нам не пора! Я вызывал не вас, а Мартенса!

– Он повез домой вашего гостя.

– Гм! Тогда пришлите кухарку. Я хочу еще коньяку.

– Ой, не надо, дедушка! Ну, будьте паинькой!

– Не буду! А кто, черт побери, позволил вам называть меня дедушкой? Дедушка!

– Да вы сами. Еще в прошлом году.

– Ну, а в этом году не разрешаю. Принесите мне коньяку.

– А вы пойдете тогда спать?

– Не пойду!

– Но ведь доктор...

– Ваш доктор – гнусная помесь шуки с дворняжкой. И даже хуже. А у меня сегодня прекрасное настроение. Я долго еще буду сидеть. До самого утра.

Они сошлись на половине двенадцатого вместо «самого утра» и на одной рюмке коньяку вместо бутылки. Но, рассердившись, что ему пришлось идти на компромисс, – вот так же много раз за свои девяносто с лишним лет он сердился, когда приходилось идти на компромисс с иностранными державами, – сенатор (по словам мисс Талли) очень дурно вел себя в ванне.

– Даю вам честное слово, – уверяла позднее мисс Талли секретаршу сенатора, миссис Тинкхем, – если бы не хорошее жалованье, завтра бы уехала от этого несносного старика. Был когда-то государственным деятелем или кем-то там еще, так, значит, может хамить сестре!

– Не уехали бы! – возразила миссис Тинкхем. – Но вы правы: с ним очень, очень трудно.

Они думали, что старик наконец успокоился, а он лежал на своей широкой с пологом кровати, курил и размышлял:

«Боги всю жизнь были благосклонны ко мне не по заслугам. Я-то боялся, что мне придется доживать свой век в обществе бабья и докторов, а тут судьба посылает мне товарища – мужчину, да еще молодого и, кажется, с задатками настоящего ученого. Он расскажет миру о моих замыслах и делах. Ну ладно, довольно хныкать, Лаф Райдер!.. Хорошо бы заснуть».

На следующее утро сенатор решил, что он, пожалуй, возлагает слишком большие надежды на молодого человека, но когда Селиг второй раз приехал к обеду, сенатор с удовлетворением отметил, как быстро он освоился с непривычным для него окружением, хотя, по-видимому, впервые попал в такой богатый, хорошо поставленный дом. Просто и непринужденно он рассказал сенатору о своем детстве на ферме – среди деревенской серости, как мысленно определил сенатор, – о годах учения в университете своего штата.

«Он наивен, это еще лучше. Не то что какой-нибудь третий секретарь посольства, щенок, воображающий себя невесть кем, потому что учился в Гротоне, – размышлял сенатор. – Надо для него что-нибудь сделать».

В эту ночь сенатору опять не спалось, и внезапно его осенила великолепная, по его мнению, мысль:

«Я помогу юноше. Денег у меня много, а оставить их, кроме кислых моих родственников, некому! Дам ему возможность год не работать. Он, наверно, получает две с половиной тысячи в год, дам ему пять и оплачу расходы, пусть приве-

дет в порядок мой архив. Если окажется толковым, разрешу ему после моей смерти издать мою переписку. Письма Джона Хэя, письма Блейна, Чоута! У кого еще в Америке найдется такое собрание неопубликованных писем! Мальчику будет обеспечена блестящая карьера!

Миссис Тинкхем рассердится. Будет ревновать. Пожалуй, еще уйдет. Великолепно! Лаф, подлый ты старый трус! Ведь ты уже четвертый год жаждешь отделаться от этой дамы, только боишься обидеть ее! Смотри, как бы она тебя не женила на себе на твоём смертном одре!»

В темноте раздался тихий, ехидный, довольный смешок старика.

«Ну, а если он оправдает мои надежды, я оставлю ему по завещанию какой-нибудь пустячок. Надо обеспечить его на то время, когда он будет издавать мои письма. Оставлю ему... ну, сколько бы?»

Среди заждавшихся родственников и неимущих прихлебателей сенатора ходили слухи, что от состояния Райдеров у него осталось около двухсот тысяч долларов. Только он сам и его маклер знали, что, выгодно поместив деньги в разные предприятия, он за последние десять немощных, одиноких лет увеличил это состояние до миллиона.

Старик лежал, обдумывая новое завещание. По-старому половину состояния он отказывал университету, где когда-то учился, четверть – городу Уикли на благотворительные цели, остальное – племянникам и племянницам да по

десять тысяч Талли, Тинкхем, Мартенсу и многострадальному доктору с условием, что тот не будет указывать ни одному пациенту, сколько ему курить.

А в эту ночь доктору Селигу, почивавшему в своем несуразном бунгало и даже во сне не видевшему уготованных ему благ, была преподнесена сумма в двадцать пять тысяч долларов, отеческое благословение и собрание исторических документов, ценность которых не поддавалась исчислению в деньгах.

Утром, мучаясь от головной боли и круто обойдясь с мисс Талли из-за скверного вкуса аспирина (в мышьяке его держали, что ли?), сенатор низвел долю Селига до пяти тысяч, но ночью она снова выросла до двадцати пяти.

То-то обрадуется молодой человек!

В тот вечер, когда сенатор Райдер неожиданно пригласил Селига остаться у него пообедать, тот был взволнован, словно... А что, в сущности, могло бы привести в волнение доктора Селига? Великое произведение искусства? Прибавка жалованья? Победа Эразмус-колледжа на футбольном состязании?

Во время второго обеда, когда и обстановка и герой в какой-то мере утратили обаяние новизны, он испытывал спокойное удовлетворение и усердно просвещался. Третий обед, неделю спустя, прошел довольно приятно, но на этот раз Селиг уделял больше внимания тушеным голубям, чем

рассказу сенатора о панике, вызванной крахом банка Бэринг, и был несколько раздосадован тем, что сенатор задержал его у себя до двенадцати часов – эгоист этакий! – не дал человеку уйти домой и лечь спать, как все люди, в десять часов, поболтав несколько минут с этой ужасно милой и умной девушкой мисс Седьмой Суонсон.

И весь тот вечер Селиг беспрестанно ловил себя на том, что невольно осуждает безнравственность сенатора.

Черт возьми, человек из хорошей семьи, имел возможность видеть в своей жизни только прекрасное! Зачем же браниться скверными словами? Зачем столько пить? Он далек от мещанской узости (самодовольно похвалил себя Селиг), но такому глубокому старику пора бы о душе подумать; постыдился бы ругаться, как сапожник.

Наутро Селиг упрекнул себя: «Сенатор ко мне замечательно относится. Он, в сущности, славный старикан. И, бесспорно, человек блестящего государственного ума».

Однако в нем снова вспыхнуло раздражение, когда позвонил шофер Мартене и сказал:

– Сенатор просит вас сегодня на чай. Он хочет кое-что показать вам.

– Хорошо. Я буду. – Ответ Селига прозвучал сухо.

Внутренне он рвал и метал: «Тысяча чертей! Бессовестный, навязчивый старый хрыч! Как будто у меня другого дела нет, кроме как ходить перед ним на задних лапках и развлекать его! И как назло именно сегодня, когда я собирал-

ся закончить главу! Правда, он сообщает мне кое-какие закулисные сведения, но все-таки... Очень нужны для моей книги его посольские сплетни. Весь нужный материал я уже получил. А как я доберусь до него? Этакая скотина, эгоист, об этом он не подумал! Воображает, что у меня есть деньги, чтобы взять машину! Пешком ведь идти придется! С удовольствием бы остался дома!»

К сенатору он явился хмурый, но когда за чашкой чая тот заговорил о письме королевы Виктории, немного отошел.

Историкам известно, что в первое президентство Бенджамин Гаррисона между Америкой и Англией имели место недружелюбные акции: захват рыболовных судов как той, как и другой стороной, и в связи с этим королева Виктория написала собственноручно письмо президенту Гаррисону. Как предполагали, она выражала сожаление, что не вправе непосредственно обратиться к парламенту, и предлагала обсудить вопрос сначала в конгрессе. Но что именно содержало это неофициальное послание, никому не было известно.

Сенатор Райдер заметил безмятежно:

– Оригинал этого письма случайно оказался в моих руках.

– Что-о?

– Как-нибудь я дам вам взглянуть на него. Мне кажется, я даже имею право разрешить вам его цитировать.

Селит чуть не подскочил на стуле. Вот это будет сенсация! И эту сенсацию произведет он! О нем, о его книге будут

писать на первых полосах газет. Но сенатор начал рассказывать пошлый, совершенно непристойный анекдот о некоем бразильском посланнике и модистке из Вашингтона, и Селиг снова разозлился: «Чтоб ему провалиться! И как не стыдно старику, которому за девяносто перевалило, думать о подобных вещах! Зачем-то, черт его подери, кокетничает, секретничает... Хочет показать свое пресловутое письмо, так пусть показывает!»

По этой причине доктор Селиг был, пожалуй, не так любезен, как полагалось бы сему ученому мужу, когда, прощаясь, старик вытащил из-под пледа брошюру в голубовато-серой потертой обложке и сказал высоким старческим фальцетом:

– Я могу подарить вам эту книгу, если хотите. Кажется, на свете существует всего шесть экземпляров. Это моя третья книга, она была напечатана для узкого круга лиц и в списке моих работ не числится. Мне думается, вы найдете в ней кое-что неизвестное исследователям. Это подлинная история Парижской коммуны.

– Благодарю, – коротко ответил Селиг, а сев в машину сенатора, подумал: «Вот доказательство его эгоизма: раз он что-то написал, так, значит, это уж невесть какое сокровище!»

Селиг перелистал книгу. Она показалась ему содержательной, но он равнодушно отложил ее в сторону: слишком далеко от его темы, значит, не нужно доктору Селигу, а следовательно, и остальному миру.

Садиться за работу теперь не имело смысла – до обеда уже ничего не сделать, – и Селиг велел шоферу Райдера остановить машину около магазина Тредуэлла, служившего для отдыхающих одновременно универмагом, почтой и кафе, где они буйно распивали бутылки лимонада, провозглашая пыльные тосты.

В магазине оказалась мисс Сельма Суонсон, и Селиг, смеясь, преподнес ей жевательную резинку, коробку арахисовых батончиков и семь рыболовных крючков. Они интересно провели время, перемывая косточки одной из отдыхающих, этой чудачке – мисс Элкингтон.

Потом они отправились в Скай-Пикс, и Селиг забыл книгу сенатора на прилавке. Он хватился ее, только когда уже лег в постель.

Два дня спустя Мартене снова позвонил и снова передал приглашение на чай. На этот раз Селиг отрубил резко:

– Передайте сенатору, что я, к сожалению, не могу быть.

– Одну минуту, прошу прощения, – сказал шофер. – Сенатор просил узнать, не пожелаете ли вы приехать к обеду завтра в восемь. За вами придет машина.

– Право... Хорошо, передайте, что я с удовольствием приеду.

Он ничего не теряет: обеды в Скай-Пикс неважные, а домой он уедет пораньше.

Он был доволен, что этот день у него оказался свободным: можно поработать. Но проклятая назойливость сенатора до

такой степени разозлила его, что он с треском хлопнул книгой по столу и вышел на воздух.

Несколько отдыхающих играли в лапту. Душой компании была Сельма Суонсон, очаровательная в своих гольфах. Они закричали Селигу, чтобы он шел к ним, и он после нескольких величественных отказов согласился. Игра прошла очень весело. Потом он стал в шутку бороться с мисс Суонсон, у нее оказалась удивительно гибкая талия и необычайно томные глазки, которые он только сейчас рассмотрел. Как хорошо, что он не потерял день, слушая болтовню нудного старикашки!

На следующий день, в шесть часов, закончив блестящую главу, он отправился с мисс Суонсон на гору Повэрти. Заходящее солнце так ярко золотило пастбища, сосны и далекие луга, а мисс Суонсон в юбке из грубой шерсти и тяжелых спортивных ботинках – но чулки она надела шелковые – была так мила, что он пожалел о своем обещании быть в восемь у сенатора.

«Но я всегда держу свое слово», – размышлял он гордо.

Они сели на плоский камень на краю обрыва, и Селиг произнес привычным преподавательским тоном:

– Какое необыкновенное освещение! Вы видите, как вспыхнула на солнце крыша вон того домика? Посмотрите на тени кленов! Вы замечали, что красота пейзажа зависит не столько от формы предметов, сколько от игры света и тени?

– Нет, пожалуй, не замечала. Да, именно все дело в освещении.

щении. Ах, какой вы наблюдательный!

– А мне кажется, я порядочный книжный червь.

– Что вы, ничуть! Вы серьезный ученый, это верно, – о, я только теперь поняла, как надо работать! – Но вы и дурачиться умеете. Вчера вы смешили нас до слез! Обожаю людей, которые умеют и работать и отдыхать!

В половине восьмого, держа ее крепкую ручку в своей, он говорил:

– Уверяю вас, мне не хватает многих хороших качеств. Но ведь вы согласны со мной, что настоящему мужчине не к лицу пить, как этот старик? Между прочим, нам пора возвращаться.

Без четверти восемь, после того, как он поцеловал ее и попросил прощения, а потом снова поцеловал, он сказал:

– Ладно, подождет немного, не беда.

В восемь:

– Черт! Уже восемь! Как быстро прошло время! Теперь уж лучше совсем не ехать. Позвоню ему вечером и скажу, что перепутал день. Знаете что, давайте спустимся к озеру и пообедаем на лодочной станции вдвоем, а?

– Чудесно! – согласилась мисс Сельма Суонсон.

Лафайет Райдер сидел на веранде, которая вместе со столовой и спальней составляла теперь весь его мир, и ждал своего доброго юного друга, который возвращал ему мир его прошлого. Через три дня приедет из Нью-Йорка поверенный

и оформит новое завещание. Но – сенатор нетерпеливо пошевелился – деньги, в сущности, противная вещь. У него есть для Селига нечто другое, более редкостное – дар, достойный ученого.

Он посмотрел на подарок с улыбкой. Это был двойной листок плотной почтовой бумаги. Наверху было вытиснено: «Виндзорский замок»; повыше изящным почерком выведены слова: «Моему другу Л. Райдеру с разрешением использовать, как сочтет нужным. Бендж. Гаррисон».

Письмо начиналось словами: «Его превосходительству, президенту», – а внизу стояла подпись: «Виктория R.»¹ В немногих строчках между обращением и подписью заключалась неведомая миру история правления королевы Виктории, история девятнадцатого века... Динамит в больших пакетах не хранят.

Сунув руку под розовый плед, оставлявший открытым только его серое лицо, старик спрятал письмо в карман.

Шурша халатом, на веранду вышла мисс Талли и стала упрашивать:

– Не больше одного коктейля сегодня, дедушка, да? Доктор говорит, вам это вредно.

– Может быть, да, а может, нет. Который час?

– Без четверти восемь.

– Доктор Селит приедет в восемь. Если Мартене не принесет коктейль на веранду через три минуты после того, как

¹ R. (Regina) – королева (лат.)

вернется, я с него шкуру спущу. А искать папиросы в моей комнате не стоит. Я перепрятал их в новое местечко. Весьма возможно, что буду сидеть и курить до утра. Да, пожалуй, я и вообще не лягу сегодня. Пожалуй, и ванну принимать не буду...

Он только посмеивался в ответ на стоны мисс Талли: «Ну какой же вы несносный!»

Сенатор мог бы и не спрашивать, который час. Начиная с семи он каждые пять минут вытаскивал часы из-под пледа и смотрел на них. Он злился на себя за то, что, как дурак, ждет не дождется своего молодого друга, но ведь старых-то друзей никого не осталось.

Вот в чем проклятие такой долгой жизни. Никого нет. Все умерли давным-давно. Ему еще писали идиотские письма, выпрашивая автографы, деньги, но кто, кроме этого замечательного Селига, навестил его? Ни одна душа, уже много лет!

В восемь senator встрепенулся – на этот раз не как сонный, дряхлый филин, а как орел, когда он высовывает голую шею из гущи взъерошенных перьев, готовясь взмыть к небу. Сенатор прислушался, не идет ли машина.

Через десять минут он выругался с большим знанием дела. Черт бы побрал этого Мартенса!

Через двадцать минут машина подкатила к дому. Из нее вышел один Мартене. Дотронувшись до фуражки, он доложил:

– Прошу прощения, сэр, мистера Селига не было на фер-

ме.

– Какого черта вы его не подождали?

– Я ждал, сэр. Больше не посмел.

– Бедняга! Вдруг он заблудился в горах? Нужно немедленно начать поиски!

– Прошу прощения, сэр. С вашего разрешения, сэр, когда я ехал обратно, мимо тропы на гору Повэрти, я видел мистера Селига с молодой дамой, сэр. Они разговаривали, смеялись, шли они не к ферме, а в другую сторону, сэр. Мне кажется...

– Хорошо, можете идти.

– Я немедленно подаю обед, сэр. Прикажете принести коктейль сюда?

– Не надо совсем. Позовите мисс Талли.

Сестра подбежала к нему и вскрикнула от испуга. Сенатор Райдер сидел в кресле, весь поникнув. Наклонившись, она услышала шепот:

– Если вам не трудно, голубчик, я попросил бы вас помочь мне добраться до постели. Есть мне не хочется. Я что-то устал.

Пока она встревоженно снимала с него плед, он глядел не отрываясь на темнеющую долину, как человек, который смотрит на нее в последний раз. Но, когда она помогла ему подняться, к нему внезапно вернулись силы. Он выхватил из кармана сложенный вдвое твердый листок, разорвал его в клочья и яростным взмахом своей длинной руки рассыпал

их по веранде.

А потом упал на руки мисс Талли.